

УДК94(571.54)
ББК ЕЗ(2Р54)

Бутит Цыдымункуевна Жалсанова,
кандидат исторических наук,
Государственный архив Республики Бурятия
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: butit62@mail.ru

**Фонды тунгусских инородных управ и родовых управлений
в Государственном архиве Республики Бурятия как
источники по истории тунгусов в XIX– начале XX вв.**

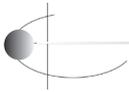
В статье впервые рассматривается и вводится в научный оборот комплекс документов четырёх фондов тунгусских органов местного самоуправления XIX – начала XX в., хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. у тунгусов, одного из аборигенных народов Сибири, были учреждены органы местного самоуправления, действовавшие в рамках российского законодательства и норм обычного права. В основу системы самоуправления был положен принцип наименьшего вмешательства во внутренние дела сибирских народов, сохранения уклада их жизни. Всего было образовано семь самостоятельных административных учреждений тунгусов, из которых одна – Урульгинская Степная дума – функционировала в Восточном Забайкалье, а шесть – на территории Западного Забайкалья в Баргузинском крае. В настоящее время тема истории тунгусских органов местного самоуправления практически не исследована, поэтому ее изучение чрезвычайно актуально с научной точки зрения. Архивные документы фондов тунгусских инородных управ и родовых управлений являются ценным историческим источником и позволяют исследовать историю тунгусского народа, их жизнь и быт в указанный период. Для детального изучения вопроса архивные документы объединены в несколько групп по видовому составу: организационно-распорядительные документы, отчётная документация, документы протокольного характера.

Ключевые слова: Устав об управлении инородцев 1822 г., Степная дума, инородная управа, родовое управление, кочевые инородцы, бродячие инородцы, суглан, ясак.

Butit Cydymunkuevna Zhalsanova,
Candidate of History,
State Archive of the Buryat Republic
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: butit62@mail.ru

**Documents of Non-Russian Municipality, Kin Administration
in the State Archives of Buryatia as Sources of the
Tungus History in the 19th and early 20th cc.**

In the article for the first time a complex of documents of four collections of the Tungus local self-government bodies of the 19th and early 20th centuries, stored in the State archives of the Republic of Buryatia, is considered and introduced into scientific circulation. In accordance with the Charter about administration of non-Russian peoples of Siberia issued in 1822 the local Tungus self-governing bodies have been established. They functioned within the framework of Russian legislation and the norms of customary law. The basis of the system of self-government was laid on the principle of the least interference in the internal affairs of Siberian peoples,

preservation of their way of life. All together there were founded seven independent administrative institutions of the Tungus, one of which Uralginskaya Steppe Duma functioned in the Eastern Trans-Baikal area, and other six on the territory of Western Trans-Baikal in Barguzin region. At the present time the theme of the history of the Tungus local self-governing bodies has not been studied yet, so its investigation is extremely important from the scientific point of view. Archival documents of the collections of the Tungus non-Russian municipality and kin administration are a valuable historical source; they give an opportunity to explore the history of the Tungus people, their life and way of living for the mentioned historical period. Archival documents are divided into several groups according to their group specificity: organizational-administrative documents, report documents, protocol documents.

Keywords: Charter about administration of non-Russian peoples of Siberia 1822, Steppe Duma, non-Russian municipality, kin administration, nomadic non-Russian peoples, wandering non-Russian peoples, suglan, yasak.

В современной России проводятся административные реформы, в которых важная роль отводится органам местного самоуправления. Особое место занимает реализация Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», основной идеей которого является привлечение «местных ресурсов» к решению административных и хозяйственных задач. В связи с этим есть необходимость обратиться к уникальному опыту организации местного самоуправления народов до-революционной Сибири. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского, была учреждена система органов местного самоуправления сибирских народов, основанная на законах российского государства и нормах обычного права, которая оказала огромное влияние на хозяйственную, социально-политическую и культурную жизнь части аборигенов Сибири.

Трёхступенчатая система органов местного самоуправления в виде Степных дум, инородных управ, родовых управлений должна была способствовать сбору податей в казну, исполнению предписаний вышестоящих органов, ведению учета населения и т. д. :

1. Родовое управление – низшее звено: для отдельных улусов и стойбищ рода, насчитывавших не менее 15 семейств; подчинялось инородной управе.

2. Инородная управа – средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов, или нескольких родовых управлений; подчинялась Степной думе.

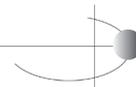
3. Степная дума – высшая административная единица, объединявшая много родов, она могла состоять из нескольких родовых управлений или нескольких инородных управ; подчинялась окружному управлению.

Особым видом управления являлись также сугланы, определяемые Уставом как «мирское собрание инородцев». В целом, они представляли собой общественные собрания, на которых рассматривали вопросы по землепользованию, калыму, долговым взысканиям, потравам посевов и покосов, лечебному делу, школьному образованию, нравственному состоянию населения. На общественных собраниях также проходили выборы должностных лиц.

Всего по Уставу 1822 г., на территории Сибири было учреждено 18 Степных дум: 12 у бурят, 4 у хакасов, 1 у эвенков, 1 у якутов, также инородные управы и родовые управления в составе Степных дум или же как отдельные административные учреждения.

Безусловно, важное место среди них занимают органы местного самоуправления тунгусов (эвенков), одного из коренных этносов Забайкалья. В настоящее время тема истории тунгусских органов местного самоуправления является неисследованной, поэтому её изучение чрезвычайно актуально с научной точки зрения.

Согласно Уставу 1822 г. тунгусы были отнесены к бродячим народам, приравненным в правах с кочующими инородцами, т. е. они составляли особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него по управлению. На тунгусов распространялся сбор ясака, освобождение от рекрутской по-

винности, они имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами в своих землях, другим же сословиям запрещалось самовольно селиться на их землях.

Тунгусы управлялись своими собственными родоначальниками и почётными людьми, из которых составлялось своё управление. Такие уголовные преступления, как возмущение, намеренное убийство, грабеж, насилие, изготовление ложной монеты и хищение казенного и общественного имущества были изъяты из ведения местного самоуправления, в остальных же случаях тунгусы управлялись по своим законам и обычаям [1, с. 396–397].

Отличие от кочевых народов заключалось в том, что тунгусам отводились целые полосы земли и на них не распространялись земские и губернские повинности, не предусматривались расходы на содержание степного управления [1, с. 398].

В ходе административной реформы по Уставу об управлении инородцев 1822 г. тунгусы, населявшие Восточное Забайкалье, вошли в состав Урульгинской Степной думы с центром в с. Урульга. В административном отношении дума состояла из 6 инородных управ – Урульгинской, Оловской, Маньковской, Шундунской, Кужертаевской, Онгоцонской, которым подчинялись 37 родов с численностью 8084 человек. Территория думы была обширной и включала в себя плодородные земли в верховьях р. Онон, ниже по течению, а также земли по рекам Ингода, Шилка и т. д. Функцию глав Урульгинской думы осуществляла династия князей Гантимуровых. Дума была ликвидирована после введения волостной реформы 1901 г. По устройству и функциям Урульгинская дума в целом не отличалась от Степных дум Забайкальской области, занимаясь хозяйственными вопросами.

Источником для исследования истории тунгусов Восточного Забайкалья служит корпус архивных документов Государственного архива Забайкальского края, в котором хранятся 3 фонда тунгусских органов самоуправления:

1) фонд Урульгинской Степной думы, состоящий из 520 единиц хранения за 1824–1890 гг.;

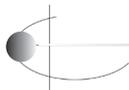
2) фонд Урульгинской инородной управы (386 ед. хр. за 1822–1899 гг.);

3) фонд Начальника эвенкийских родов (38 ед. хр. за 1752–1822 гг.)

Тунгусы же, населявшие Западное Забайкалье, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарско-Чильчагирское, Нижнеангарско-Киндигирское, Подлеморско-Шимагирское и Кучитское родовые управления. В Селенгинском ведомстве была учреждена Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав Степных дум, так, например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской Степной думы.

Из вышеперечисленных тунгусских учреждений в Государственном архиве Республики Бурятия хранятся 4 фонда (225 ед. хр. за 1831–1923 гг.): Баргузинской тунгусской инородной управы, Баунтовской инородной управы, Нижнеангарско-Киндигирского и Подлеморско-Шемагирского родовых управлений. Фонды были сформированы из архивов инородных управ и родовых управлений, поступивших на государственное хранение в 1920-х гг.

Фонды представлены делопроизводственными документами, которые содержат интересные сведения об их административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать часть корпуса архивных документов Государственного архива Республики Бурятия, объединенных в три группы по видовому составу, об истории местного самоуправления тунгусов в XIX – начале XX вв.: 1) организационно-распорядительные документы; 2) отчетная документация; 3) документы протокольного характера. Вне поля исследования остались документы о судебной деятельности органов местного самоуправления, о распространении крещения среди тунгусов, о состоянии народного образования, ярмарках и т. д. Надо отметить, что эти фонды практически не исследованы и историки не обращались к ним.

Значительную часть фондов составляют организационно-распорядительные документы – это указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции вышестоящих учреждений, регламентирующие сбор податей и повинностей, предоставление отчётности, распространение земледелия, принятие мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначение выборов, утверждение должностных лиц и т. д.

Важное место среди них занимают предписания вышестоящего начальства, следившего за состоянием охотничьего промысла. Охота играла значительную роль в хозяйстве тунгусов и служила источником сбора пушнины в казну государства. В 1888 г. Читканский волостной судья Стельмашенков пишет шуленге Киндигирских тунгусов: «Если же вопреки сего будет за кем-либо замечено в скрытии соболей и продажи их мимо торгов, то вы, за данное им послабление, и виновные будут подвергнуты ответственности» [2].

В 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия направляет предписание «О запрещении продажи и хранении убитых соболей, соболиных мехов и шкур без печати, клейма и пломбы» [3]. В 1913 г. Баргузинский уездный комиссар предписывает «принять самые энергичные меры, чтобы вся добытая тунгусами пушнина не попала в руки частных скупщиков, а сдавалась в родовое управление для продажи с торгов и расчёта затем вырученными деньгами с продовольственным отделом и покупки на таковые нового количества продуктов» [4].

Ежегодно Забайкальское областное управление направляло предписания о торговле мехами, устанавливало цены на пушнину. В 1892 г. цена соболя была 20 р. за шкурку, выдры – 13 р., медведя – 9 р., лисицы, волка, росوماхи – по 2 р., белки – 27 коп., самыми дешёвыми были тарбаганьи шкурки – по 5 коп. [5].

Много распорядительных документов связано с правом тунгусов на земли. В предписании крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Нижнеангарско-Киндигирскому родовому управлению от 22 июня 1903 г. указывалось, что «на землях бродячих инородцев не имеет права селиться никто без согласия общества тунгусов, отразившемся в общественном приговоре. В виду

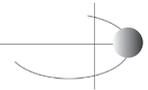
сказанного предписываю родовому управлению не разрешать никому из лиц, не принадлежащих к обществу тунгусов, строить дома, занимать участки земли без общественных приговоров, утвержденных крестьянским начальником» [6].

По предписанию крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Нижнеангарско-Киндигирскому родовому управлению от 11 января 1911 г. запрещалась самовольная охота на землях, предоставленных в пользование тунгусам, в случаях же обнаружения нарушителей необходимо было составлять протоколы и направлять их к нему для привлечения виновных к законной ответственности [7].

Следующую группу источников составляет отчётная документация, где особое место занимают отчёты и рапорты, содержавшие основную информацию о жизнедеятельности тунгусских обществ. В отчётах можно найти статистические сведения о количестве тунгусов, занятиях и промыслах. Согласно отчёту Баргузинской тунгусской инородной управы за 1872 г. насчитывалось 516 ревизских душ [8], которые подразделялись на 4 рода: Лимагирского, Мунгальского, Балакагирского и Чильчагирского [9]. Центр управы находился в урочище Бодон. Самым малочисленным среди тунгусских обществ было Подлеморско-Шемагирское родовое управление, в котором на 1 января 1909 г. числилось 24 мужчины и 25 женщин, всего 49 тунгусов Шемагирского рода [10]. В Баунтовскую управу входили тунгусы двух Чильчагирских и 3-го Киндигирского родов [11], в Нижнеангарско-Киндигирское управление – тунгусы Киндигирского рода.

Основными занятиями тунгусов были оленеводство, охота и рыболовство. Оленеводство занимало значительное место в хозяйстве тунгусов, служило источником их благосостояния. Олени использовались для езды верхом и как вьючное животное. Размеры оленьего стада были незначительны, так, у баунтовских ороchon насчитывалось всего 665 оленей, у подлеморских тунгусов на 49 человек приходилось 65 оленей [12].

Интерес представляют отчёты органов местного самоуправления о состоянии рыболовства, охоты, скотоводства и ремесла. Так, в ведомости Баргузинской инородной управы

за 1873 г. отмечается, что «жители ведомства сей управы ловят рыбу в р. Баргузин и её притоках, в основном ловят язя, окуней, леньков, тайменей, сига, шук и сорог» [13]. В 1871 г. баргузинскими тунгусами было добыто «медведей – 1, коз – 20, кабарги – 25, белок – 800» [14]. В хозяйстве тунгусов имелись «рогатый бык лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства» [15].

Охота служила источником не только для пропитания, но и средством для уплаты ясака. Баунтовские орочны добывали мясо лосей, диких оленей, коз и птиц. Так, в среднем в год орочны промыслили 20 кабанов, 600 кабарги, 50 лисиц, 20 волков, 5–10 медведей, 10–15 выдр, 50 сохатых, 100 изюбрей, 800 коз, 20–25 соболей, 20000 белок [16]. Для охоты они использовали пороховое ружье – дробовик и берданку. Патроны к ружьям орочам выдавались через родовых старост согласно заявкам и договорам из Читинского артиллерийского склада [17].

Охотникам выдавались удостоверения, выдаваемые крестьянскими начальниками. Например, в удостоверении, подписанном крестьянским начальником 1-го участка Баргузинского уезда, указывалось, что «для свободного прохода в речку подлеморских тунгусов для охотничьего промысла с сентября 1907 г. по 1 января 1908 г. Кроме хозяина тунгуса и 4 охотников, имеющих такие удостоверения, входить никто не имел права». Удостоверения должны были предъявляться инородной управе или родовому управлению, которые делали отметки «об отсутствии у охотников спиртных напитков и для проверки числа охотников» [18].

Документы протокольного характера представлены общественными приговорами (решениями) собраний при инородной управе и родовых управлениях, дающих большой фактический материал об их хозяйственной и административной деятельности. Собрания проводились два раза в год, в марте и декабре. На мартовских собраниях распределяли порох и свинец, производили раскладку казённых сборов, обсуждали различные хозяйственные вопросы. Большинство тунгусов съезжались на главный суглан в декабре, который переходил в ярмарку с продажей пушнины, сбором ясака, сдачей в аренду се-

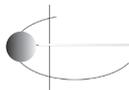
нокосных и рыболовных угодий. Все дела решались с общего согласия, приговоры заносились в книгу установленного образца.

В отличие от бурятских органов местного самоуправления, тунгусы не собирали деньги на мирской капитал, т. е. на содержание инородной управы и родового управления: наём писаря, жалование родоначальникам, пособия неимущим, плата за доставку почты и разные мелкие расходы. Все мирские расходы производились из доходов, получаемых за отдачу в аренду сенокосных угодий и рыболовных оброчных статей. Так, в 1908 г. общественным приговором тунгусов Подлеморско-Шемагирского родового управления реки Большая Черемшанка, Кудалды, Урбикан и Томпа были отданы в арендное содержание за 4117 р. на срок с 1 сентября 1908 г. по 1 марта 1909 г. На деньги, вырученные от отдачи с торгов зверопромышленных речек, содержали родовое управление, уплачивали ясак в размере 41 р. 40 коп., заготавливали для тунгусов с торгов по приговорам общества товары и припасы в необходимом количестве. Товары и припасы хранились в магазине при родовом управлении, на них велась товарно-учётная книга, и в случае необходимости выдавались они тунгусам на сугланах [19].

Отдача тунгусскими обществами рек в аренду находилась под строгим наблюдением вышестоящего начальства, с согласия которого производилась процедура аренды. Например, в 1911 г. крестьянский начальник Баргузинского уезда подал объявления об отдаче с торгов в Нижнеангарско-Киндигирском родовом управлении с 1 октября для зверопромышленности нижеследующих речек, принадлежавших тунгусам Киндигирского рода: Горячая, Берно, Аея, Фромиха, Ироктакань, Акуликан, Аркуликан [20].

Общественными приговорами избирались все должностные лица органов местного самоуправления в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. Имеются приговоры об избрании шеленгой Подлеморско-Шемагирского родового управления А. Шадрина [21], головы Баунтовской инородной управы И. Найканчина [22] и т. д.

На общих собраниях, кроме вопросов административной и хозяйственной деятельности, решались проблемы общественного

признания. Так, общественным приговором Нижнеангарско-Киндигирского родового управления от 7 июня 1910 г. был решён вопрос о содержании одинокой престарелой тунгуски В. Симорчиной: «Престарелая инородка Варвара Симорчина, не имея родственников и никакого имущества и необходимый за ней уход в виду того, что лишилась зрения, а потому поговорив между собой, единогласно постановили: престарелую Симорчину содержать со счёта общества и какой будет на неё расход, таковой принять и расходовать из мирского капитала, в том и расписуемся» [23]. Или другой приговор родового управления от 11 мая 1911 г. об оказании помощи Ф. М. Уринчину, нуждавшемуся в лечении: «Уринчина с первым речным пароходом от-

править для излечения на Туркинские минеральные воды и просить контору Туркинской больницы не отказать в принятии больного Уринчина в больницу для лечения, расход на лечение будет уплачен нашим родовым управлением ... из наших сумм, а после излечения Уринчина деньги, какие будут израсходованы, взыскать с него в возврат, в чем и расписуемся» [24].

Таким образом, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия документальные источники фондов позволяют исследовать историю тунгусских органов местного самоуправления в XIX – начале XX в., содержат существенную информацию о жизни и быте тунгусов.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 328. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16об.
3. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.
4. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
5. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 67. Л. 84–84об.
6. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20об.
7. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 4–4об.
8. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.
9. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–4.
10. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
11. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 329об.
12. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14. Л. 163–164об.
13. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.
14. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
15. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.
16. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.
17. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.
18. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.
19. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 15.
20. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 49–49об.
21. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1.
22. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
23. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 51. Л. 42–42об.
24. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 81–81об.

Статья поступила в редакцию 25.03.2012 г.